

Первые
ЛЮДИ

В. Г. Тан-Богораз

Восемь
племен

Первые люди

Владимир Тан-Богораз

Восемь племен

Издательство "Руда"

1902

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Тан-Богораз В. Г.

Восемь племен / В. Г. Тан-Богораз — Издательство "Руда",
1902 — (Первые люди)

ISBN 978-5-6044143-5-4

Перед вами роман-сказание о жизни племён, их дружбе и вражде, и о большой самоотверженной безответной любви в первобытном обществе народов Севера, в котором сочетается научная достоверность и художественный вымысел. Роман, в котором широко используется фольклорный материал, написан живым народным языком, отличается увлекательным сюжетом, изобилует этнографическими эпизодами, детальными описаниями быта, обычаев и верований, при этом пронизан возвышенным, романтическим настроением. Для широкого круга читателей. Иллюстрации Романа Кашина.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6044143-5-4

© Тан-Богораз В. Г., 1902
© Издательство "Руда", 1902

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Германович Тан-Богораз

Восемь племён

© Издательство «Руда», 2020

© Р. В. Кашин, иллюстрации, 2020

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление, 2020

Глава 1

Весенний торг на Чагарском поле, у реки Анапки, был в полном разгаре. Место это находилось внутри обширной ненаселённой полосы, отделявшей южные приморские посёлки от северных оленных стойбищ и протянувшейся во всю ширину страны от Большого Внешнего моря, которое называлось также Моржовым¹, до бухты Белых Дельфинов на другом, Внутреннем, море, которое южные люди звали Бобровым², – по причине множества морских бобров, пристававших к его берегам.

Вся эта область была богата рыбой и дичью, но никто не появлялся здесь, кроме вооружённых шаек, отправлявшихся на грабёж. Мелкая война велась здесь с переменным успехом: то южные воины перебеют пастухов и угонят с севера стадо вместе с подростками; то олениводы сожгут одинокое прибрежное жилище, возьмут кожи и ремни и тоже перебеют взрослых, а мальчиков и девочек уведут в плен.

Однако Чагарское поле никогда не знало войны. Если одинокий охотник, рискнувший в погоне за оленями забраться за пределы своей страны, подвергался преследованию враждебных воинов и обращался в бегство, – стоило ему только достигнуть этих заветных берегов, и он мог считать себя в полной безопасности, ибо берега Анапки были посвящены Великому Морскому Раку Авви, который ежегодно поднимался вверх по реке вместе с бесчисленными стадами подвластных ему рыб – отыскивать крупные древесные стволы, пригодные для челнов. Лесу на Анапке мало, и Авви проводил в водах её целое лето, бдительно наблюдая за всем, что происходило на берегу.

Авви был бог сердитый и могущественный. Некогда при столкновении с отцом сухой земли, Вороном Кутхом, он затащил его в глубину и отпустил на волю только в обмен за молодую дочь Кутха, с круглыми чёрно-жемчужными подвесками в ушах и круглыми чёрными глазами. С тех пор Ворон уступил также Авви некоторые урочища на берегах рыбных рек, где раздражительный Рак ревниво следил за порядком и не допускал со стороны детей Ворона никакого нарушения его прав. На своих землях Авви строго запрещал убийства и даже драки как людям, так и зверям. Если в пору любви два оленя с ветвистыми рогами собирались решать спор о молодой и гладкошёрстной важенке³, они, должны были для этого удалиться на другие свободные места. Безначальные стаи песцов, случайно отыскав на поле Чагар полусгнивший труп росомахи, убежали на половину дневного перевода подраться из-за добычи, потом возвращались обратно и скоро с новым остервенением бежали на поприще новой драки, и так далее, без конца.

Люди, приходившие на берега Анапки, не имели права действовать копьём или луком и не должны были проливать крови, ибо право убивать принадлежало здесь только богу. Стоило дерзкому пришельцу поставить силок даже для куропатки, как огромная бурая клешня готова была незримо протянуться к его горлу и стиснуть его кашлем или грызущей болью, приносящей смерть. Зато, принеся небольшую жертву, люди и звери получали право брать свою часть из рыбных стад, приведённых Авви с моря, ибо Великий Рак был щедр и не жалел морских даров для каждого, кто признавал его власть.

В половине лета медведь совершал жертву корнями сараны, лисица – кровью молодого зайца, и даже тонкий горностаи приносил с большим трудом тело полевой мыши с вольной земли за пределами Чагарского поля. Только совершив жертву, они могли селиться на берегах

¹ Тихий океан. – Здесь и далее примечания Тана, если не указано иное.

² Охотское море.

³ Оленья самка.

реки и сторожить в мелкой воде широкоспинную горбушу, которая, обезумев от страсти материнства, лезла стадами вперёд на верную гибель.

Люди могли являться к Анапке ещё весною, когда передовые отряды детей Авви, пёстрые голыцы, выходили к полыньям задолго до появления властителя. Стоило только покропить снег жертвенной похлёбкой, потом отыскать щель во льду и опустить туда костяную уду на крепкой крапивной нитке, и обильное пропитание было обеспечено для людей и упряжных собак.

Обильная рыба и безопасность с незапамятных времён стали привлекать соседние племена для вольного весеннего торга на берегу Анапки. Обмен разными предметами был необходимостью, и при всеобщей вражде и недоверчивости он не мог производиться ни на каком другом месте. Дерзкие и жадные к прибыли, жители многолюдного селения Вайкен попробовали устроить торг у себя, но Авви, разгневавшись, прислал на них в первую же весну диких воинов с далёкой реки Яяк, которые унесли все товары, приготовленные для торга, без всякой платы и сожгли два небольших выселка, недавно основанных жителями Вайкена на ближайших реках. Ибо Авви явно покровительствовал Чагарскому торжку, получая от проходящих племён обильную плату за место чёрной жертвенной похлёбкой, жиром домашних оленей и черепами пёстрых нерп.

Поэтому каждой весною, в день равноденствия, северные и южные люди, посоветовавшись с шаманами, неторопливо отправлялись в путь с таким расчётом, чтобы одновременно прибыть на священное место. Оленеводы⁴ шли лёгким обозом с небольшим, но отборным стадом и самой проворной из женщин стойбища. Поморяне⁵ ехали на тяжело нагруженных нартах, запряжённых собаками, обученными так искусно, что они понимали каждое слово хозяина. Эти собаки разделяли ненависть своих хозяев к оленьим стадам северян и участвовали вместе с ними в походах, и пастухи боялись их свирепости больше, чем копий и стрел своих противников. Они с отвращением передавали друг другу, что приморские женщины выкармливают щенят молоком и кладут их с собою спать, как маленьких детей.

Один за другим подходили олени караваны из самых отдалённых концов великой внутренней страны: с высокого и плоского Палпала, где пять ущелий простёрлись венцом, как растопыренные пальцы рук; с мелких притоков быстроводного Омолона, где в тальниковых кустах водятся огромные и жирные лоси, и с крутых устьев многоводного Яяка, где в конце лета красная рыба мечется, как в котле, задевая за весло челнока, переплывающего с берега на берег.

Пешие охотники племени Одул⁶ приходили на гладких лыжах, волоча за собой маленькие, легко нагруженные санки. Они были неутомимее всех людей на пешем бегу и приходили не столько из торгового расчёта, сколько из любопытства, ибо люди Одул не желают пропускать ни одного случая к развлечению.

С далёкого южного мыса являлись Ительмены⁷, приземистые и широколицые, в одеждах, пёстро сшитых из серых собачин, пятнистых птичьих шкурок и чёрных соболей. Они платили выкуп в каждом посёлке, лежавшем на пути; вместе с ними являлись зверообразные Куру⁸, мохнатые, как медведи, с выпученными глазами, как у злого духа Ивметуна, дающего падучую болезнь.

С неведомого севера являлись мореходы Юит⁹ в балахонах из моржовых кишок, украшенных птичьими хохолками. Отец Кутх вдавливают им при рождении носы внутрь, а они пробивают себе щёки и вставляют туда костяные пуговицы. Даже Оленные Всадники, живущие

⁴ Олени коряки.

⁵ Приморские коряки.

⁶ Юкагиры.

⁷ Камчадалы.

⁸ Курильцы.

⁹ Эскимосы.

неизвестно где¹⁰, подвижные, как птицы, являлись на своих легконогих скакунах и останавливались лагерем в стороне от всех.

Предметы, привозимые для обмена, были неистощимо, разнообразны. Оленеводы приносили шкуры молодых оленей и готовое платье. Никакие меха южных и западных стран не могли соперничать с ними в красоте и мягкости, и даже мохнатый Куру готов был вынуть из ушей хитро завитые беложелезные серьги в обмен за гладкошёрстную рубашу из глянцевиных чёрных шкурок, с пестринкой у подола и тонкой лисьей оторочкой.

Они ежедневно закалывали жирных оленьих быков, ибо ручные стада и домашние собаки даже на Чагарском поле оставались подвластными ножу владельца. Священному Раку принадлежали только рога, часть крови и душа каждого убитого животного. Мясо оленей тоже превосходило вкусом всякую другую еду и разбиралось пришельцами нарасхват. Не мудрено, что жители берега, презиравшие оленеводов за грубость и глупость, завидовали их жизни среди бесчисленных стад и со вздохом вспоминали о пышной меховой одежде и сладкой мясной пище, доступной каждому бедному пастуху.

¹⁰ Тундреные ламуты.

Береговые приносили шкуры нерп и больших тюленей, моржовые ремни, китовину, огромные мешки, налитые смешанным китовым, моржовым и тюленьим салом, пригодным для освещения и еды. Ительмены, земля которых богата различными камнями, привозили берестяные коробки, наполненные наконечниками стрел, бережно переложенными травой; связки больших копий и маленькие топоры, искусно выбитые из кремня и другого гладкого камня, чёрного, как перетопленный жир, и блестящего, как осенний лёд¹¹.

Дороже всего ценились маленькие, мелко иззубренные стрелки из тускло-прозрачного камня, похожего, на нечистый лёд; они считались амулетами и обладателю давали защиту от внезапных болезней; поражая зверя, они проникали глубже других и причиняли болезненную рану, истощавшую силы, необходимые для бегства.

Мохнатые Куру приносили сладкие съедобные клубни, ожерелья и блестящие иглы, которые ценились по шкуре за иглу, так как были крепче костяных и не стачивались от шитья. То и другое шло с далёкой земли на юге¹², где, по рассказам, люди кишели, как мухи над рыбными вешалами, были искусны на выдумки и запрягали друг друга в сани, как оленей или собак.

Люди Одул приносили лосиную шерсть для вышивок, белую съедобную землю и огромные луки, склеенные из двойных деревянных полос. Мореходы Юит приносили китовый ус для подбивания полозьев и искусно сделанные наконечники гарпунов; маленькие Оленные Всадники, не допускавшие приближения чужих людей, выносили из своего лагеря ковши из бараньего рога, арканы, искусно плетённые из жил, острые кремни, дававшие искру при взаимном ударе, и клали их на снегу, безмолвно требуя равноценного дара.

Обширная долина на берегу Анапки, между двумя грядами холмов, покрытыми с южной стороны порослями ивняка, была вся занята лагерями гостей. Все племена стояли порознь, и даже люди, пришедшие из соседних посёлков, недоверчиво отодвигались друг от друга, невзирая на безопасность места. То было время, когда близкие соседи враждовали друг с другом дольше и ожесточённее всего.

Оленеводы соединились стойбищами по околоткам и, поставив походные шатры, отаборились в большом кругу саней, соединённых стоймя. Поморяне выгребли ямы в снегу, обста-

¹¹ Обсидиан.

¹² Япония.

вили их длинными ездовыми нартами и окружили снежным окопом. Кроме того, они привязали снаружи самых чутких и злых собак. Люди Одул ушли в глубину тальника и построили себе шалаши из ветвей на подветренной стороне холмов. Мореходы Юит воздвигли целую крепость из огромных глыб снега, скреплённых водою, как несокрушимым цементом. Только боязливые Оленные Всадники поместились в чистом поле без всякого стана. Их выючные сумки были всегда завязаны, лёгкие палатки едва держались на жердях, совершенно ручные олени, прибегавшие на зов, как собаки, паслись вблизи. При первом признаке тревоги эти маленькие людишки, похожие на степных тушканчиков, могли собрать свой летучий караван и умчаться прочь.

Все народы сошлись почти одновременно, ибо от этого зависела безопасность взаимной встречи и быстрота торга. Торг должен был начаться завтра, ибо первый день всегда был посвящён жертвоприношениям. Во всех разнообразных лагерях, от края до края долины, слышался громкий и дробный стук бубнов, унылое пение шаманов или нечеловеческие вопли злых духов, воплотившихся на время в теле своих служителей. Оленеводы убивали оленей и опрыскивали свежей кровью четыре стороны света, выставляли на снегу маленькие жертвенные фигурки из сала и тёртых листьев и делали возлияния огню и воде густой и пахучей похлёбкой, сваренной с жиром и кореньями. Приморские жители убивали щенков и выставляли их на длинных заострённых шестах.

Ительмены наделали идолов из дерева и приносили жертву им, хотя это могло возбудить ревность Авви. Трое людей Куру, пришедших вместе с ними, строгаи из дерева замысловатые стружки, которые они считали величайшей святыней; люди Одул творили заклинания над зловещими чёрными мешочками, где заключались высохшие части трупов, принадлежавших различным предкам и разделённых поровну между потомками. Мореходы Юит хлопотали у молитвенных картин, нарисованных кровью на игрушечных вёслах, а Оленные Всадники тихо и осторожно гремели челюстями диких оленей и связками медвежьих зубов, которые набрались в их мешках после прошлогодней охоты.

Оленеводы предлагали свои дары богу молча и гордо. Они знали, что их шкуры и мясо – предметы общего вождения, и не думали о ценах, но приморские жители ревностно молились о том, чтобы Авви умягчил сердце богатых кочевников и отуманил их ум и позволил приобрести от них столько рухляди и одежды, чтобы хватило на раздачу всем домочадцам и приятелям в родном селении. Боязливые Оленные Всадники не знали, о чём молиться. Их круглые быстрые глазки были жадны, как сорочки, и привлекались больше всего к новым предметам, самое употребление которых оставалось для них неизвестной загадкой.

Мышееды¹³, стоявшие лагерем в левом углу обширного Чагарского поля, не молились и не приносили жертв. Они пришли с безлюдной тундры, лежавшей к югу от плоских гор Палпала, и отличались пестротой одежды, ибо кафтаны из сурковых шкур перемежались в их среде с оленьими рубахами и жёсткими балахонами из плохо выделанной тюленины. Одни из них приехали на санках об одном олене; другие на паре небольших собак, мохнатых и коротконогих и столь свирепых, что они часто бесились от ярости; третьи пришли пешком на небольших лыжах из ремённой плетёнки, с копьём вместо посоха и котомкою за плечами.

¹³ Чукчи с Телькепской тундры до сих пор носят кличку Мышеедов.

Мышееды были беднее всех людей севера, ибо их земля не родила даже мха, и Авви, ненавидевший их за безбожие и сварливость, не позволял рыбам подниматься в их реки. Мышеедами их звали за то, что они не гнушались никакой пищей, и ребятишки их забавлялись, выкапывая мышей из земли и проглатывая их целиком, как голодные собаки. Сами себя они называли просто «людьми» и даже «настоящими людьми». Соседние племена презирали их от всей души и навязывали родство с ними друг другу. Оленеводы считали их отраслью рода Юит. Мореходы называли их, как и оленных, тундреными бродягами, приморские собачники сложили насмешливую сказку, будто Мышееды родились от помёта собачьих нарт, проезжавших сквозь восточную тундру для торга.

На самом деле Мышееды представляли смесь различных племён и были потомками всевозможных отверженцев, бежавших из приморских посёлков и кочевых стойбищ после какого-нибудь непоправимого преступления. Убийцы и осквернители домашнего огня, расточители стад, последыши выморочных семей и теперь постоянно уходили в эти степи, необозримые, как море, где Мышееды обеспечивали им убежище и защиту от мести их врагов. Мышееды не боялись ни богов, ни людей; в своих стойбищах они не приносили жертв даже в то время, когда мстительный Дух Заразы проходил над землёю, рассыпая направо и налево свои незримые стрелы. Они не боялись и не избегали смерти. Старики и больные приказывали родственникам немедленно убивать себя. Юноши и девушки лишали себя жизни по минутному капризу, от злости, от огорчения в любви, от обманутых ожиданий.

Мышееды относились к богам до такой степени непочтительно, что сочиняли насмешливые сказки о Кухте и его семье, полные крепкого и дерзкого юмора и дававшие перевес над глупым Вороном маленьким мышам благодаря их лукавому проворству. Они рассказывали об Авви, что он однажды показался на берегу в виде большого моржа и стал хвастать силою, но «люди» предложили ему покататься на оленях и, поймав на аркан двух больших диких быков, припрягли их к моржу; быки утащили его в горы, где он едва не погиб с голоду...

Их молодые парни обыкновенно соединялись в шайки, которые скитались на огромном пространстве, наводя ужас на соседей, хотя при энергичном отпоре они немедленно возвращались вспять. Одна из таких шаяк забралась теперь на Чагарское поле, конечно, не для торга, ибо у них не было ничего пригодного для обмена. Запрет Авви, однако, не имел в их глазах никакой цены, и вряд ли даже эти необузданные дети природы были в состоянии понять сущность временного мира, установленного на поле Чагарском.

Прежде всего они нуждались в пище, ибо у них не было ни запасов, ни друзей между оленеводами. Пока другие племена занимались жертвоприношениями, Мышееды всей гурьбой отправились на реку и, усевшись на самой большой полынье, где лёд дал глубокие трещины, принялись удить рыбу. По своему обыкновению, Мышееды даже в рыбную ловлю вносили шум и насмешки.

- Ух, ух! – гикали они над прорубью, вытащив вертлявую рыбу на крючке.
- Старшего брата ещё позови.

Другие громко свистали и топали ногами, рискуя разогнать рыбу, и, заглядывая в щели льда, насмешливо спрашивали: «Толстобрюхие поморяне, где вы? Пловцы с тупым носом, где

вы?» – приравнивая жирных гольцов к жителям приморских посёлков на севере и юге, в особенности к людям Юит, у которых были приплюснутые носы.

Уды их состояли из тонкого костяного колышка, к середине которого была привязана леса; когда рыба проглатывала колышек вместе с приманкой, при первом напряжении лесы он поворачивался поперёк, подобно тюленьему гарпуну, застрявшему в ране. Однако чтобы рыба не соскальзывала с крючка, её нужно было подсекать с такою силой, что леса, выскакивая из проруби, отлетала далеко назад вместе с добычею. Пользуясь этим, многие Мышееды не приносили даже уд: они просто стояли сзади рыболовов и следили, не сорвётся ли прочь какая-нибудь рыба, высоко взлетевшая в воздух вместе с лесой. Такая рыба считалась их законною добычею, и они кидались на неё гурьбою, к великой потехе удильщиков, мстивших насмешками за свою потерю.

Иногда два или три человека, впившись в скользкое рыбье тело когтями и зубами, разрывали его на части и пожирали сырьём, выкинув внутренности и с хрустеньем перегрызая тонкие рыбы кости. К вечеру несколько приморских рыболовов тоже пришли на реку, но лучшие места были заняты Мышеедами, а усевшись рядом с ними, нужно было подчиниться их безбожному обычаю, оскорблявшему пойманную добычу, или затеять ссору. Поморяне предпочли уйти за белый речной плёс к другой полынью, где рыбы было меньше, но где они могли заниматься ловлею по-своему, без всякой помехи.

Глава 2

Торг начался на следующее утро без всякого определённого порядка. Старые знакомые менялись только друг с другом, не обращая внимания на приставания других. Иные, надев на руку свиток плохого ремня, ходили из стойбища в стойбище, не решаясь расстаться с своим товаром и не умея отыскать равноценного, но большая часть решалась на обмен быстро, руководствуясь внезапно вспыхнувшим желанием и не соразмеряя взаимной стоимости товаров.

Жители селения Паллан вышли на торг все вместе, одетые в панцири из толстых травяных циновок и неся свои товары на конце копья. Так повелевал им обычай, желавший сохранить в мирном процессе обмена формы прежней неумолимой вражды.

Люди Юит устроили торговую пляску совместно с двумя большими оленьими стойбищами; в пляске, кроме мужчин, участвовали и женщины. Она началась жертвоприношениями и особыми обрядами, знаменующими временный брак, и должна была продолжаться до полного истощения сих всех участников. Обмен товаров должен был состояться только наутро в виде взаимных даров, слепляющих новые узы брачного побратимства.

Камак, богатый оленевод с севера, из племени северных Таньгов¹⁴, говоривших другим, более грубым наречием, сидел в глубине палатки на большой суме, наполненной рухлядью. Его безобразное лицо, с маленькими злыми глазами, большими оттопыренными ушами и белым шрамом поперёк щеки, дышало свирепостью и действительно заслуживало имя Камака, то есть дьявола, которое духи предков дали ему при рождении при посредстве установленных гадательных знаков.

На другой стороне палатки сидел Ваттувий, шаман из многочисленной семьи Кымчанто, что означает «вышедшие из солнечного луча», которая насчитывала в своих недрах тридцать взрослых мужчин и больше сотни малолетних детей. Семья жила вместе, но её бесчисленные олени были разбиты на четыре стада, которые то сходились, то расходились, соответственно изменению времён года. Ваттувий был младшим из шести сыновей престарелого Ваата, ещё жившего в большом шатре на верховьях реки Омкуел, и семья посвятила его служению духам, чтобы упрочить своё благосостояние, покровительством высших сил. Ваттувию могло быть около пятидесяти лет, но его небольшое сухощавое тело казалось как будто сплетённым из крепких оленьих жил в изобличало большую силу и необычайную ловкость, необходимую для подвигов волхвования, когда тяжёлая палатка иногда поднимается над головой слушателей, как лёгкий берестяной бурлак, опрокинутый над муравейником. Он прясел на скрещённых ногах, которые упруго колебались, как перекрещенные тетивы деревянного капкана. Его длинная чёрная грива была связана на затылке пушистой полоской тюленьей шкуры, красиво, окрашенной в пунцовый цвет. В противоположность обычной моде мужчин, духи запретили ему стричь волосы и не позволили даже заплести их в косу, как это делала большая часть шаманов.

Сзади Ваттувия сидел его племянник, крепкий молодой атлет с безусым лицом и большими карими глазами. Имя его было Ваттан, ибо все потомки Ваата вставляли его имя в своё как основной корень. Отец послал его, чтобы блюсти за шаманом, который в порядке экстаза легко мог причинить повреждение себе или другим. Посещавшие его духи нередко обнаруживали проказливость и склонность к опасным шуткам, которые, без своевременного вмешательства шаманских прислужников, грозили окончиться очень дурно.

¹⁴ Чукчи.

– А-а! – громко вздохнул Ваттувий, давая знак, что сейчас начнёт петь. Хозяева и гости тотчас же притихли. Посещение Ваттувия считалось честью, и каждое желание его исполнялось во всех шатрах от подножий Палпала до верховьев реки Кончана¹⁵.

Только Камак, прищурившись, посмотрел на гостя и не шевельнулся с места. Его презрение к южным оленным людям простиралось также и на их духов, и он упрямо не верил, чтобы вдохновение их стоило какого-нибудь внимания.

Ваттувий пел высоким протяжным речитативом, останавливаясь по временам, чтобы перевести дух. Образы так и лезли ему в голову, отрывки прошлых видений смешивались с предвкушениями экстаза, и по временам он путался и не знал, что выбирать. Вдруг хитрая улыбка мелькнула на его лице. Он вспомнил бесчисленные проказы, которые духи проделывают над отуманенными людьми, подпавшими их власти.

Ваттувий опять сделал передышку, на этот раз короткую, ибо внезапно он почувствовал нетерпение и потребность перейти от слов к делу.

Слушателям стало страшно. Проказливые духи и их служители пользовались очень дурною славой. Хозяин шатра Ёлхут, низкий и приземистый человек, с раковинами в ушах, кожаной повязкой на лбу и маленькими раскосыми глазами, осторожно переглянулся со своим двоюродным братом Юлтом, который стоял у входа и бдительно следил за всем происходящим. Если слова Ваттувия обещали внезапное нападение со стороны людей или духов, нужно было держаться настороже. Около десятка детей и племянников, все дюжие парни, привычные к дракам, сидели и стояли в разных местах шатра, готовые по первому знаку Ёлхута схватиться за оружие и броситься вперёд.

Подросток Чайвун, один из пастухов Камака, который должен был уйти вместе со стадом на ближайшее пастбище, но отстал от товарищей и под конец увязался за хозяином и теперь потихоньку встал с места, вышел за дверь, потом выбрался из лагеря вайкенцев и поспешно пошёл вдогонку за своим стадом. Он боялся, чтобы проказливые духи не сыграли какой-нибудь злой шутки именно над ним, ибо они нападали охотнее всего на таких молодых и беззащитных парней. Они могли, например, превратить его в сурка за то, что он слишком крепко спал в снежные ночи вместе со своими оленями, или обкормить его волчединой, чтобы внутренняя сторона его кожи обмохнателя, или сделать его ненавистным для молодых девушек. Пастух ускорил шаги и без оглядки убежал в стадо.

Ваттан смиренно сидел в стороне и наблюдал за дядей внимательно, но без особого интереса. Ему случалось видеть шамана в таких странных и разнообразных припадках вдохновения, что у него исчезло не только удивление, но и страх перед ними. К замысловатым подвигам Ваттувия он относился приблизительно как к хорошо знакомому, несколько надоевшему представлению и даже полуинстинктивно сомневался в их реальности, хотя факты ежедневно доказывали ему его неправоту, ибо Ваттувий вылечивал даже оленей и собак от самых разнообразных болезней, предсказывал степень обилия дичи и размножения домашних оленей,

¹⁵ Река Камчатка.

давал женщинам лекарства от бесплодия и девушкам приворотные корешки для привлечения молодых парней.

Ваттувий вдруг поднялся на месте и открыл глаза.

– Пришли? – громко заговорил он. – Здравствуйте, здрав стуйте! Ты иглокожий, ты сверло, ты ножовый черенок! – перечислял он странных духов давая им имена соответственно их внешнему сходству с реальными предметами.

– Что надо? – спросил он, как будто отвечая на вопрос. – Нож надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.